

ТАТЬЯНА ВОРОНЦОВА

TOP STYLE

Великолепный юнец, дерзачливый объект, спорить с ним невозможно. И еще... очень привлекательная героиня у Татьяны Воронцовой, просто читается – и сердце замирает. Особенно Мужчины (иногда так, с большой буквы).
top-клуб.ru

Книга о любви,
которая ранит и исцеляет,
убивает и воскрешает.
Журнал «ESTETICA»

НЕ СОВСЕМ МОИ, НЕ СОВСЕМ ТВОЯ

Любовь? Химическая реакция, так провозглашают при знакомстве. Но больше того. Влюбиться – это как потерять и купить новые туфли, и все как будто изменилось. Но на этот раз провозгласили не любовь, а секс. А эти бесчисленные вопросы: «Что скрывает ее избранника со сложной бизнес-структурой? Что за секреты хранит эта красавица? Где искать ответы, а главное, как обрести воздушную свободу, предельно индустриальность без принуждения, без страсти и ревности?»

Татьяна Воронцова
Не совсем мой, не совсем твоя
Серия «Время запретных желаний»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/184179>

ISBN 978-5-17-043604-0

Аннотация

<p>До недавнего времени Ксения считала, что это невозможно. Любовь? Химические процессы, протекающие в организме, не более того. Влюбилась – прими валерьянки. Сходи на работу, прочитай книгу, купи новые туфли, и все как рукой снимет. Но на этот раз противоядие почему-то не действовало. И потом, увлечься интересным мужчиной – это одно. А принять его со всеми проблемами – о, это совсем другое. Что связывает его со взбалмошной бизнесвумен, привыкшей вести себя так, словно весь мир лежит у ее ног? Что за секреты хранит его прошлое? Как обрести внутреннюю свободу, предполагающую верность без принуждения, бесстрашие и любовь?</p>

Содержание

1	4
2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Татьяна Воронцова

Не совсем мой, не совсем твоя

1

Итак, это все-таки случилось. В возрасте двадцати пяти лет Ксения Климова, москвичка с высшим образованием, благополучная во всех отношениях, имеющая собственную жилплощадь и постоянное место работы, влюбилась без памяти. При том, что она собиралась замуж за москвича с высшим образованием, благополучного во всех отношениях... Какая чушь! Какая чушь! Все это вдребезги разбилось за одну минуту – минуту, когда она подняла глаза от тарелки и увидела, как в комнату входит Илона (вся сплошь шелка и бриллианты), а с ней этот парень.

Ксения почувствовала себя так, будто по голове ее ударили тупым, тяжелым предметом. Этакой мультипликационной кувалдой. С большим трудом она заставила себя отвести взгляд. Торопливо глотнула из бокала, поперхнулась и закашлялась.

– Все в порядке? – сидящий рядом Игорь протянул ей салфетку.

Не зря ей не хотелось идти на эту вечеринку! С самого начала все пошло не так. На платье, которое она приготовила накануне, за полчаса до старта обнаружилось жирное пятно. С прошлого раза, конечно, тогда она его просто прополоскала с жидким мылом, а надо было сперва пятновыводителем. . . Короче, на маленьком черном платье пришлось поставить крест и довольствоваться юбкой из шелка тусса и темно-бордовой трикотажной кофточкой на пуговках. Получилось неплохо, но чувство незавершенности осталось. Украшения, подходящие к платью, были совершенно неуместны здесь, на фоне перламутровых пуговок и ажурной горловины, так что от них пришлось отказаться, а подбирать новые не было времени. В конце концов, она решила: ладно, не все ли равно, на день рождения тетушки не обязательно наряжаться, как на бал. Тетке стукнуло сорок пять. Ну и кого она может пригласить? Таких же, как она сама, кумушек, которые на полном серьезе считают, что они «еще очень даже ничего», да начинающих лысеть ковбоев, половина из которых зашитые алкоголики, а остальные если не язвенники, то сердечники. Она бы и вовсе не пошла, забежала бы лучше как-нибудь на неделе поздравить, посидеть вдвоем на кухне за чашечкой чая, но матушка как назло подхватила грипп, отец заявил, что считает своим долгом дежурить у постели больной, так что если бы и Ксения начала придумывать отговорки, Вера обиделась бы на всю жизнь.

Игорь в соответствии с договоренностью подъехал к по-

ловине пятого и еще полчаса подпирал стены в прихожей, покуда терпению его не пришел конец.

– Мы едем или нет? Сколько можно вертеться перед зеркалом?

– Иду, иду, – отозвалась Ксения с досадой. Влезла в сапоги, дернула вверх «молнию»... и порвала колготки.

Игорь застонал.

Они прибыли с опозданием на час. Веселье было в самом разгаре. Ксения попыталась свалить все на снегопад и пробки на дорогах, Игорь скептически улыбнулся, но ничто не могло испортить настроение имениннице, которая вдобавок ко всему недавно превратилась из старшего менеджера какой-то довольно крупной, даже в масштабах столицы, туристической компании (название все время вылетало у Ксении из головы) в коммерческого директора и сегодня ожидала появления на своем празднике вице-президента этой самой компании Илоны Борисовны Бельской, чья доброта и отзывчивость, а также постоянное стремление принимать самое деятельное участие в личной жизни сотрудников и послужили причиной долгожданного повышения.

Все оказалось не так плохо. Лысеющие ковбои шутили, временами даже удачно, произносили хвалебные речи в адрес «нашей несравненной Веры Аркадьевны», развлекались сами и развлекали кумушек, которые вопреки ожиданиям выглядели еще очень даже ничего. Кто-то из гостей учился с Верой в старших классах школы, кто-то в институте. Кто-

то работал с ней вместе сто лет назад, кто-то сейчас. С точки зрения Ксении, это был достаточно серьезный риск – собраться за одним столом такую разношерстную компанию. Но Вера всегда умела ладить с людьми, так что через пять минут после завершения процедуры знакомства все уже общались между собой совершенно непринужденно, как будто съели вместе не только пуд соли, но еще и несколько пудов молодого красного перца, куркумы, кориандра и сушеного лаврового листа.

А потом появились эти двое. Блистательная Илона, которая двигалась и говорила так, словно весь мир лежал у ее ног, и молчаливый молодой человек – высокий, худощавый, слишком юный для мужа, слишком взрослый для сына, слишком элегантный для телохранителя. Вера представила опоздавших остальным гостям, но из-за проклятого кашля Ксения не расслышала его имени и наклонилась к соседке:

– Илона и кто? Как, она сказала, его зовут?

– Ник, – лаконично отозвалась крашенная в цвет спелой сливы Лариса, не то менеджер, не то бухгалтер из числа теткинских тур-подруг.

– Ага, это по-модному. А по-простому как? Николай?

Лариса сделала лицо, и сразу стало ясно, что ни Илона, ни ее спутник не вызывают у нее ни малейшей симпатии.

– Что не Николай, это точно. Девчонки однажды пристали к нему, когда он заехал за этой своей... – Лариса указала глазами на Илону, увлеченную салатом по-гречески, – а она

как назло застряла на совещании. Девчонки ему кофе, печенье, то да се... Ну и спросили, может, Николай? А он: нет-нет, просто Ник.

Ксения украдкой взглянула на человека, пробуждающего во всех такое нездоровое любопытство. Очень светлая кожа. Очень темные волосы, отросшие почти до плеч, разделенные пробором посередине. Когда он встряхивал головой, отбрасывая их со лба, эти роскошные, прямые как у индейца, чисто вымытые волосы блестели в электрическом свете благородным антрацитовым блеском, способным вызвать зависть у любой кинозвезды. Ник... Если не Николай, то кто? Никанор?.. Никифор?.. Никодим?..

Увы, заботливая хозяйка предусмотрительно усадила именитых гостей поближе к себе, то есть на прямо противоположный от Ксении край стола, чтобы лично обеспечивать бесперебойное поступление заготовленных в большом количестве деликатесов, так что подслушать их разговор не было никакой возможности. Лишь изредка до Ксении доносились отдельные реплики или взрывы смеха, но смеялась и говорила в основном Илона. «Просто Ник» ограничивался тем, что отвечал на вопросы типа «еще немного рыбки?.. водочки или вина?..», да и то на последний вопрос за него ответила Илона, заявив во всеуслышание:

– Он водку не пьет!

Похоже, Нику потребовалось время, чтобы привыкнуть к этой мысли, но пререкаться он не стал и согласился на су-

хое вино. Вообще он не производил впечатления человека, склонного к конфликтам, однако в его чуть прищуренных серо-голубых глазах временами вспыхивала шальная искорка; на губах появлялась и сразу же исчезала абсолютно неподражаемая, наполовину елейная, наполовину саркастическая улыбка; вооруженная вилкой рука замирала над тарелкой, выдавая мгновенное оцепенение, которым он реагировал на своеобразные Илонины шутки, – и все вместе наводило на мысль, что за ним необходимо присматривать.

Быть может, Никита?..

– Он ее муж или как? – позволила себе поинтересоваться Ксения, предварительно убедившись, что Лариса уже достаточно пьяна.

– Или как, – был ответ. – У нее таких мужей знаешь сколько было... И ни один особо не задерживался. Но на этого она, видать, крепко запала. Уже четыре месяца с ним живет.

– Вместе живут?

– Ну да. В ее новой квартире на Сухаревской. Он этой квартирой и занимался, в смысле, ну... ремонт, отделка и тому подобное. То есть не сами ремонтные работы, а дизайн-проект. Он архитектор. – Лариса икнула. – Ой... специалист по дизайну интерьеров и всяким там отделочным материалам.

Между тем у кого-то родился тост. Пришлось выслушивать всю эту ахинею, потом восторженно аплодировать, потом пить, закусывать... ох. Краем глаза Ксения не переста-

вала наблюдать за Ником. Непринужденно держа за ножку бокал с красным вином, тот внимательно слушал невероятно разговорчивого типа в помятом сером пиджаке, которого звали, кажется, Сергей. Сидящая между ними Вера глуповато хихикала. Вот Сергей, отведав селедочки, выдал какой-то очередной затасканный комплимент, и она зарделась от удовольствия. С досады Ксения положила себе еще зеленого салата. Тетке следовало поменьше пить в такой день.

– Конечно, у них приличная разница в возрасте, – добавила Лариса, не переставая жевать, – но вообще-то ей всего-навсего сорок, так что...

– А ему?

– На вид не больше тридцати. Ну и что? Женщин в этом возрасте часто тянет на сладенькое.

– А мужчин? Таких, как этот...

Лариса качнулась к самому ее уху:

– Деньги, милочка, деньги. Говорят, она помогла ему расплатиться с какими-то долгами. Большими долгами. Но толком никто ничего не знает. И я тебе ничего не говорила, ясно?

– Но он же не мальчик с улицы, – растерянно проговорила Ксения. – Насколько я понимаю, у него есть образование, специальность, работа. Я слышала, дизайнеры неплохо зарабатывают.

– Думаю, речь идет совсем о других деньгах. Совсем о других.

– На что же ему могли понадобиться такие деньги? Такие, каких он сам не в состоянии заработать.

Лариса икнула еще раз. Глотнула мартини с апельсиновым соком.

– Да кто ж его знает? Может, наркотики. Может, азартные игры. Москва – город соблазнов.

Ксения перевела разговор на другую тему. Во-первых, стало ясно, что от Ларисы ничего путного не добьешься. Она обыкновенная сплетница, а сплетни, как известно, в большинстве случаев бывают весьма далеки от действительности. Во-вторых, не стоило особенно афишировать свой интерес к бойфренду этой светской львицы, этой Илоны. Сейчас Лариса захмелела, размякла, ей захотелось потрепаться, а к завтрашнему дню она протрезвеет и, чего доброго, пойдет и доложит, что молодая родственница Веры Аркадьевны позволяла себе... У тетки будут неприятности. Оно нам надо? Боже упаси.

Вскоре насытившиеся гости ощутили потребность размяться и начали потихоньку выбираться из-за стола. Некоторые бесцельно слонялись по квартире, переходя из комнаты в комнату и шумно восторгаясь Верочкиным безупречным вкусом в смысле ковров и занавесок. Другие ходили за ней по пятам из гостиной на кухню и обратно, пробуя навязать свою помощь в мероприятиях, связанных с переменной блюд. Ну и, разумеется, были еще желающие выкурить по сигаретке – эти сбивались в стаи на застекленной лоджии и на лест-

ничной клетке. На лоджии оттягивались в основном дамы, на лестнице – джентльмены.

Игорь тоже улизнул на лестничную клетку, а предоставленная самой себе Ксения с упорством запрограммированного андроида отправилась на поиски затерявшегося где-то в дебрях трехкомнатной квартиры Ника. Чего она добивалась? На что могла рассчитывать? Задуматься об этом ей не давало странное, охватившее ее час назад лихорадочное чувство, которое она назвала бы вожделением, если бы это не звучало столь вульгарно. И тут уже можно было вести речь об утрате не только свободы воли, но и элементарного человеческого достоинства. Не думать. Не рассуждать. Просто принимать некий телепатический сигнал и идти на него, как крыса на запах сыра.

Она застала его за просмотром каких-то фотографий в сугубо дамском обществе, что в общем-то не делало ему чести. Альбом лежал на крышке фортепьяно (играла на нем не столько Вера, сколько покойная бабушка Настя), Ник сидел на вращающемся стуле и переворачивал страницы, а дамы, облепив его с трех сторон, чирикали, кудахтали и издавали серии других, не менее бессмысленных восклицаний.

В конце концов, оглушенный этими звуками птичьего двора, он медленно выпрямился, передал альбом стоящей рядом Вере и поднял крышку фортепьяно.

– Ой, а ты правда умеешь? – всплеснула руками голосистая, с пышными формами Тамара. – Ну так сыграй нам, а

мы споем!

– Правда, парень, сбаци чегу-нибуду! – крикнул, проходя мимо распахнутой двери, кто-то из мужчин.

– «Мурку» давай!

Усмехнувшись, Ник сбацил им «Мурку», а потом, безо всякого перехода, заиграл Седьмой вальс Шопена. Посадка за инструментом у него была не совсем правильная, но длинные пальцы бегали по клавишам не менее уверенно, чем пальцы какого-нибудь признанного виртуоза. За Седьмым вальсом последовал Десятый. Похоже, Ник был большим поклонником Шопена. Он играл чисто, без помарок. И практически вслепую.

Дамы взволнованно перешептывались. Илона горделиво улыбалась.

– Какие будут пожелания? – спросил Ник с вежливой улыбкой.

Ксения, скромной серенькой мышкой сидящая в уголке, осмелилась подать голос:

– «Аппассионату».

И он посмотрел на нее удивленно и благодарно. Впервые посмотрел ей в глаза.

– Фу, это же такая скука! – поморщилась Илона, жестом шутивого протеста ероша его темные волосы.

Но он уже играл. Играл для девушки, с которой по большому счету даже не был знаком. Ну и что? Он задал вопрос. Изъявил готовность сыграть что-нибудь по заказу. Обычный

вопрос, обычный ответ. И если «Мурка» имеет право на жизнь, то почему «Аппассионата» не имеет?..

Теперь, когда Ксения стала слушателем, а он исполнителем, она наконец получила возможность смотреть на него сколько душе угодно. На исполнителей ведь принято смотреть. Во всяком случае, не запрещено. Идиотка, твердила она себе, безнадежная, клиническая идиотка... Даже если он обратит на тебя внимание, даже если заметит, ну и что? Дело-то ведь не в том, нравишься ты ему или не нравишься, а в том, что он – этот мужчина, играющий сейчас «Аппассионату», – является собственностью г-жи Бельской, и какая-то там девчонка, пусть даже весьма хорошенькая и хитренькая, не вправе на него претендовать.

Не желать, не смотреть... Но как заставить себя отвернуться? Все внутренности Ксении (не только сердце, но и печень, и селезенка) болезненно сжимались, заставляя ее крепче впиваться ногтями в ладони. Кожа горела под одеждой. Кровь изменяла химический состав. Ксения чувствовала себя совершенно больной. Она хотела этого парня – хотела свирепо, плотоядно, – но не видела способа его заполучить. И от сознания полнейшей безысходности ей становилось все хуже и хуже. Это были подлинные страдания. Страдания Клелии и Джульетты.

Илона стояла за его спиной, исподтишка наблюдая за лицами присутствующих. Ее подведенные черным карандашом глаза молний, конечно, не металы, но смотрели довольно вы-

зывают. Ярко покрашенный рот беспрестанно подергивался и кривился, как будто Илона разжевала сырую оливку или еще какую-нибудь гадость, проглотить не смогла, а выплюнуть постеснялась. Ксения понимала, что вот сейчас пора бы уже встать и уйти, но не могла заставить себя оторвать задницу от стула. Отвести взгляд от лица пианиста, от его слишком тонких для мужчины рук.

Внезапно он прервал игру. Грациозно потянулся, уронил руки на колени. И улыбнулся Ксении, словно извиняясь:

– Это сложная вещь. Слишком сложная для меня.

Если бы в ответ она промолвила хотя бы пару слов, Илона получила бы прекрасный повод обвинить ее в заигрывании с чужим мужчиной. Поэтому она только кивнула и сделала вид, что задумалась о чем-то своем.

– Сложная? – Илона передернула плечами. О чем бы она ни говорила, голос ее звучал капризно, как у избалованного ребенка, который привык все делать назло. – Скорее, скучная. Не понимаю, как можно слушать такое занудство.

– Известно, что Ленин не выносил музыку Бетховена, – заметил Ник, тихонько наигрывая что-то невнятное. – Особенно «Аппассионату». Он считал, кстати, совершенно справедливо, что она способна воздействовать на человеческую психику, и всячески предостерегал от ее прослушивания своих соратников по революционной борьбе.

– Да ты что? – изумилась Тамара.

– Да. Дело в том, что Бетховен был гением. Его музыка,

как и всякая гениальная музыка, активизирует пятый, нейросоматический контур мозга. При этом наступает гедонический кайф, эйфория. Человек чувствует себя по-настоящему счастливым. – Ник улыбнулся и мельком глянул на Ксению. – Также этот контур активизирует тантра-йога.

– Господи! – воскликнула в притворном ужасе Вера. – Никогда не думала, что наши бедные мозги имеют какие-то контуры.

– Контуры или уровни – это всего лишь понятия, предложенные одним весьма неглупым человеком для определения нейрологического пространства.

– Доктором Лири, – пробормотала Ксения.

И, не дожидаясь комментариев, встала и вышла из комнаты. Ей пришло в голову, что сейчас самое время посетить туалет.

Выходя из туалета, она столкнулась с Игорем.

– Ксюха! А я тебя везде ищу. Ты где пропадаешь?

– Да мы там фотографии смотрели. С Верой и ее подружками. Иди за стол, я сейчас.

Ловко вывернувшись из его объятий, она проскользнула в ванную. Повернулась к зеркалу и уставилась на свое отражение. В глазах диковатый блеск, на скулах лихорадочный румянец... Тяжелый случай.

Интересно, Ник еще играет для них? И если да, то что? Его пальцы, его улыбка... Обыкновенный альфонс? Очень может быть, хотя совершенно не похож. И выглядит не так,

и ведет себя не так. Даже по отношению к Илоне. Никакой слащавости, никакого подобострастия. Спокойное достоинство самостоятельного человека.

Пока он играл, Ксения смотрела на него не отрываясь. С того места, где она сидела, было хорошо видно, как пальцы Илоны скользнули за ворот его рубашки, ласково пощекотали шею. А он еле заметно повел плечами. Не брезгливо, но недовольно. То ли ему не понравилось, что она трогает его на людях, то ли пальцы оказались слишком холодными. Должность пажа при богатой женщине – каково это? Временами, должно быть, неплохо. Просто делай, что тебе говорят...

Осторожный стук в дверь. Даже не стук, а деликатное постукивание. Эй, ну что за дела? Ксения щелкнула задвижкой, думая, что это, возможно, Игорь, и намереваясь тут же высказать ему все что думает. Но это оказался не Игорь.

Не теряя ни минуты, Ник втолкнул Ксению обратно в ванную, сам шагнул следом, повернулся и запер дверь на задвижку. Ксения попятилась, глядя на него во все глаза. Красивый, какой красивый... и так близко... Ничего умнее в голову не приходило.

Он повернулся. Осторожно взялся кончиками пальцев за ее подбородок. Нагнулся, испытующе вглядываясь в ее запрокинутое лицо. Она почувствовала дрожь под коленками. Боже... Его глаза показались ей восхитительными: серо-голубые, с лучистой короной на радужке. А губы – губы такие, что она даже задрожала от желания немедленно их поцело-

вать. Или укусить.

Не было ни слов, ни поцелуев. Молча Ник подтолкнул ее к раковине, мягким нажатием на плечи вынудил нагнуться, лечь грудью на закругленный край холодной мраморной плиты. Закинул ей на поясницу подол короткой шелковой юбки и одним движением сдернул ее крошечные трусики вместе с колготками.

Впоследствии Ксения не раз задумывалась, почему в эту захватывающую минуту ее ума и фантазии хватило только на то, чтобы стоять там с оттопыренной задницей в ожидании неизбежного и лениво припоминать, какое же на ней сегодня белье. Бордовое, кружевное... да, точно. Слава богу, что не то белое, итальянское, там, кажется, дырка... и вообще ему сто лет.

Руки чужого любовника нахально гуляли по ее телу, ощупывали бедра и живот. Потом она услышала звяканье пряжки ремня, шуршание брючной ткани... Он вошел в нее виртуозно, без малейших усилий. Как будто всю жизнь только тем и занимался, что насиловал незнакомых женщин в местах общего пользования. Удовольствие от этого варварски глубокого и в то же время желанного проникновения было настолько острым, что на минуту она почувствовала себя героиней романа Полин Реаж. Кто хочешь подходи и бери. Ее охватил жгучий стыд и сразу же вслед за этим – не менее жгучее наслаждение. Это просто жуть что такое... это... Пожалуй, ей еще не приходилось выдерживать такого мощного

напора, такой чудовищной бесцеремонности!

Ну, еще. Пусть это длится как можно дольше. Пусть все забудут о нас, пусть забудут, пусть...

Муж одной из теткинских подруг, который видел тетку впервые в жизни, толкал речь. Тетка плакала, ее подруга тоже. Публика рукоплескала. Пробравшись на свое место за столом, Ксения взяла рюмку с чем-то газированным и шепнула Игорю:

– По-моему, нам пора.

Он обеспокоенно глянул на нее:

– Тебе нехорошо?

– Да, что-то мутит. Наверное, от шампанского. А у тебя тут что? Сок? Давай поменяемся.

Игорь проворчал что-то насчет того, что он за рулем, нашел чистый стакан и плеснул Ксении яблочного сока.

Ник восседал рядом с Илоной (при Илоне), выпивал, закусывал, отвечал, когда к нему обращались, сдержанно посмеивался над шутками соседей. Пользуясь тем, что Илона утратила первоначальную бдительность, Мятый Пиджак начал подливать ему водочки, которая пришлась как нельзя более кстати, судя по выражению его лица. На Ксению он больше ни разу не взглянул.

Они отчалили первыми, как и подобает особам королевских кровей. Уважили именинницу, отметились, а дальше пусть народ гуляет в свое удовольствие. Вовремя уйти – это

целое искусство. И госпожа Бельская владела им в совершенстве. Вера и еще несколько человек вышли их проводить. Ксения осталась за столом.

– А за мягкой мебелью моталась аж в Италию, – бубнила Лариса, словно их разговор ни на минуту не прерывался. – С ним, само собой. Без него представляю, что бы она там купила. Ты видела, как она одевается? Полное отсутствие вкуса. Как разбогатевшая челночница. Денег куры не клюют, а в голове... Единственное, что есть: этакая хватка рыночной торговли. Но, сама понимаешь, для того, чтобы иметь право называться бизнес-леди, этого маловато. И дома у нее все в том же духе – сплошной имперский стиль...

Слушая ее, Ксения подумала, что бедная Илона, судя по всему, не так любима коллективом, как в своей гордыне воображает.

– А в прошлом году в день своего рождения она, знаешь, в чем на работу приперлась? В костюме из золотой парчи. Круто, да? Нет, покрой самый обыкновенный: юбка, жакет. Но цвет!.. Сказала, что костюмчик от Гуччи. Лучше бы купила что-нибудь на Черкизовском рынке.

Остальное было уже довольно утомительно. Ксения с трудом дождалась подходящего момента, чтобы объявить Вере о своем недомогании и под этим предлогом свалить потихому домой. Выходя из подъезда, она полезла в карман за перчатками и, к своему несказанному изумлению, обнаружила там, помимо перчаток, какой-то небольшой и явно по-

сторонний предмет. Прямоугольный, плоский, гладкий. На ощупь она идентифицировала его как мобильный телефон. Но ее собственный телефон лежал на своем обычном месте, в сумочке. Откуда же этот? Кто-то перепутал дублинку? Попал по ошибке в чужой карман? Так, может, еще не поздно вернуться... Но телефон покоился на самом дне кармана, под перчатками. Озадаченная, она чуть было не поделилась своим открытием с Игорем, но вовремя прикусила язык.

На пороге ее квартиры Игорь, естественно, начал напрашиваться на чашечку чая, но Ксения, сославшись на отвратительное самочувствие, ласково поцеловала его в щеку и выставила за дверь. Поскольку она никогда не боролась за репутацию покладистой девушки, это было в порядке вещей.

Оставшись одна, она первым делом извлекла из кармана НЕЧТО, при ближайшем рассмотрении действительно оказавшееся телефоном (довольно дорогим, между прочим), и внимательно обследовала, пытаясь понять, кому же он принадлежит. Телефон не засунули в ее карман по ошибке, телефон ей подбросили, и это мог быть только Ник. Но подобное предположение нуждается в доказательстве. Она решила начать с просмотра записной книжки. Ничего себе! Масса номеров и ни одного имени. Ни имен, ни инициалов – ничего. Как у секретного агента, работающего под прикрытием.

Ксения положила телефон на кухонный стол, прошла в комнату и начала раздеваться. Очень медленно: юбка, кофта, колготки, белье... Вид бордовых кружевных трусиков со

следами преступного соития спровоцировал истерический припадок, которого она никак от себя не ожидала.

– Какая же я дура! Какая офигенная дура!

Раздетая, растрепанная Ксения металась по комнате, рвала на себе волосы, словом, и впрямь вела себя как последняя дура. Озадаченная ее завываниями, из кухни пришла Матильда, села в дверях и уставилась широко раскрытыми оранжевыми глазами. Встретив ее взгляд, Ксения вспомнила, что еще не выдала ей «вечернего мыша» – непростительный эгоизм! – накинула рубашку и побрела к холодильнику.

«Вечерний мышь» – так же, впрочем, как и «мышь утренний» – представлял собой мелко порубленный кусок антрекота, тщательно перемешанный с чайной ложкой «Фриске-са» и для пользы дела еще присыпанный сверху овсяными хлопьями «Экстра». Когда Матильда была еще неуклюжим, непутевым четырехмесячным зверенышем, словно сошедшим с лубочной картинки – круглые глаза цвета спелого апельсина, морда поперек себя шире, – Ксения ежедневно проворачивала через мясорубку говяжью вырезку, отварную морковь, картошку, зеленую фасоль и готовила для нее фрикадельки. Все знакомые просто дурели, а ей это было в радость. Тем более что Матильда, слава богу, никогда не страдала отсутствием аппетита. Создавая свой кулинарный шедевр, рекомендованный заводчиком и ветеринаром клуба, Ксения точно знала: продукт не пропадет.

В ожидании кормежки Матильда, как всегда, на некоторое

время утрачивает свое знаменитое самообладание. Ее пронзительное «мр-р-ря!» служит Ксении дополнительным укором: сама наелась до отвала...

– Да не ори же так, бога ради, Матильда! Иди сюда... иди, моя девочка.

Присев на корточки, Ксения поглаживает крутой мохнатый бок, в то время как Матильда с утробным урчанием поглощает добычу. Ну, да. Как смогла, так и добыла. Главным образом благодаря личному обаянию.

Но что же теперь делать? Как жить дальше?

Ксения чувствовала себя как узник, приговоренный к пожизненному заточению в сыром и мрачном склепе какого-нибудь средневекового монастыря. Склепом стала вся ее до недавнего времени вполне благополучная, размеренная жизнь.

Стоило закрыть глаза, и она снова видела себя предающейся пороку в чистенькой, опрятной, выложенной розовым кафелем теткиной ванной. Вот она – образованная, в меру раскрепощенная современная девушка – стоит, вцепившись в раковину, тупо глядя в сливное отверстие, в то время как пальцы насильника яростно тискают ее ягодицы. Наверняка останутся синяки. Разглядывая их перед зеркалом (завтра, не сегодня), она, вполне возможно, почувствует себя униженной, использованной, оскверненной (похмельный синдром плюс мешанские предрассудки), но сейчас она расценивает происходящее как исполнение своих самых завет-

ных желаний. Быть может, предосудительных, но это как посмотреть.

Лежа в горячей ванне, Ксения прислушивалась к слабой ноющей боли внизу живота (несмотря на свой богемный вид, этот жиголо отымел ее довольно сурово) и мучила себя непревзойденными по живости воспоминаниями. Сколько времени они провели в этой ванной, этом тайном прибежище разврата?..

Ник трудился как одержимый. Почувствовав, что она готова закричать, он зажал ей рот ладонью, еще поддал жару и устроил ей такой феерический оргазм, что у нее в буквальном смысле слова земля ушла из-под ног. Если бы ему вздумалось отступить хоть на шаг, она бы просто упала. Брякнулась на пол, как сломанная кукла. Но он не отступил. Выпустив ее бедра, позволил ей распрямиться (не совсем, но так, чтобы было удобно) и, подавшись вперед, прижался грудью к ее спине. Жаркое мускулистое тело чужого мужчины... тяжелые удары его сердца... аромат какой-то туалетной воды...

Он больше не зажимал ей рот, но и не убирал руку от ее лица. Пальцы ласково поглаживали щеку, теребили мочку уха. Именно из-за них, этих ласк, а быть может, вопреки, Ксению охватило непреодолимое желание оставить на его теле какую-нибудь отметину. А заодно дать ему понять, насколько животную природу имеет ее страсть к нему. Лязгнув зубами, как волчица, она вцепилась в его запястье.

Ник напрягся, прижимая ее к себе. Стук его сердца и уча-

ценное дыхание были единственными звуками в запертой на задвижку ванной комнате. О, так он из этих, из строптивцев. Стиснутые челюсти, привкус крови во рту... Заклеить мерзавца! Вырвать у него стон!

Шальная мысль, что так, чего доброго, можно перегрызть ему сухожилие, заставила ее разжать зубы. Тогда только у него вырвалось что-то вроде облегченного вздоха. В то же мгновение он присел на корточки и укусил ее за задницу. Терзать зубами, правда, не стал, но прихватил на совесть. Ксения сердито зашипела, а он быстро встал, привел себя в порядок, напоследок провел круговым движением пальцев по ее укушенной ягодице и, не медля больше ни минуты, покинул помещение. Ни словечка, ни поцелуя... ничего.

– Матильда, взгляни, который час, – обратилась она к толстой усатой морде, просунувшейся в дверь. – Как ты думаешь, еще не поздно позвонить Светке?

Матильда негодуяще крикнула, что, несомненно, означало: совсем ты спятила, сестрица, на часах половина двенадцатого, а у Светки двухлетний ребенок. Не произошло ничего такого, о чем бы ты не смогла рассказать ей завтра с утра.

Прежде чем забраться в постель, Ксения долго стояла перед зеркальной дверью платяного шкафа, разглядывая багровое пятно на правой ягодице. Даже не пятно, а отчетливо выраженный след зубов. Интересно, что там с его рукой? И что скажет по этому поводу его госпожа?

Телефон она положила на пол у изголовья кровати. Нырнула под одеяло, выключила свет, расслабилась... Тут же на край кровати с пола запрыгнул кто-то чрезвычайно упитанный, кто-то мохнатый и с громким урчанием принялся утаптывать спальное место. Под колыбельную, пропетую домашней хищницей, Ксения задремала. Задремали обе.

Долгая телефонная трель выхватила ее из сна, заставив задрожать с перепугу. Засыпая в нетрезвом виде, Ксения всегда спала беспокойно, даже когда ее не тревожили никакие посторонние звуки, а тут такое! В три часа ночи.

Она пошарила рукой по полу. Поднесла трубку к уху. Пробормотала сонно:

– Слушаю.

– Ксения? – Самый прекрасный голос в мире. – Ксения, это Ник. Мы можем увидеться?

– Сейчас?

– Завтра. Вернее, уже сегодня. – На всякий случай он уточнил: – В воскресенье.

– Ну... – начала Ксения, пробуя сосредоточиться.

– Пожалуйста, – произнес он с нажимом. – Мне нужен мой телефон. Там номера всех моих заказчиков, моих друзей...

– Зачем же ты мне его подбросил?

– Чтобы позвонить.

Соображалка у него работает, это уже хорошо.

– Как ты узнал, что это моя дубленка?

Он чуть усмехнулся:

– По размеру.

Мысленно Ксения перебрала всех особ женского пола, почтивших своим присутствием теткин вечеринку, и его объяснение показалось ей правдоподобным. Всю жизнь, сколько она себя помнила, и Вера, и прочие близкие и дальние родственники при каждом удобном случае норовили ее подкормить. Чем-нибудь питательным: тортиками, пирожками... А когда Ксения оказывала сопротивление, дескать, фигура и все такое, начинали дружно причитать: какая фигура? какая фигура? нет у тебя никакой фигуры, одни кости!.. Так что дубленка тридцать четвертого европейского размера могла принадлежать только ей. Без вопросов.

– Ладно, – сказала она, чувствуя себя загнанной в угол. – Когда и где?

– Где тебе удобнее.

Конечно, можно было сказать: рядом с Ленинской библиотекой. Или: у входа в Политехнический музей. Но Ксения подумала, что после эпизода в ванной это будет выглядеть как дешевый понт, и сказала просто:

– Я живу недалеко от метро «Алексеевская». Там можно и встретиться. Ты на машине?

– Да.

– Из центра?

– Да.

– Слушай: проезжаешь метро, потом магазин «Союз», потом клуб «Белый медведь». Поворачиваешь направо и пар-

куешься напротив магазина «Партия». Я подойду. Запомнил? Что у тебя за машина?

Он назвал марку и номер машины, уточнил кое-какие топографические подробности и уже начал прощаться, когда черт дернул ее сказать:

– Хочу прояснить один момент. У меня нет привычки трахаться в чужих сортирах с незнакомыми мужчинами.

– У меня тоже, – отозвался Ник после паузы. – Ты считаешь, это стоит обсуждать?

– Нет. Не знаю. – Она прикусила губу и сбросила одеяло, потому что ее внезапно прошиб пот. – А ты считаешь, не стоит?

В трубке было так тихо... Ксения даже решила, что он отключился. Но потом опять услышала его голос:

– Поговорим об этом при встрече, ладно?

– Ладно. В пять часов.

– В пять часов.

Выпустив телефон из рук, Ксения стонала, как привидение в ночи. Тело ее корчилось и выгибалось на постели. Попытка взять его под контроль ни к чему не привела. Пятки в бешенстве колотили по скомканному одеялу, ногти царапали простыню.

Да что же это за напасть? Это противоестественно, недопустимо! Увидеть парня и моментально сойти с ума. Да с ней и в пятнадцать лет такого не случалось. С ней вообще никогда такого не случалось. Все эти слюни про любовь-с-пер-

вого-взгляда, любовь-до-гроба и прочие формы заболевания не вызывали у нее ничего, кроме отвращения. Любовь?.. Химические процессы, протекающие в организме, не более того. Влюбилась – прими валерьянки. Сходи на работу, почитай книгу, купи себе новые туфли, и все как рукой снимет. Но на этот раз противоядие почему-то не действовало. Или надо просто набраться терпения?

Матильда изображала копилку на краю письменного стола.

– Я влюбилась, – пожаловалась ей Ксения. – Ты можешь в это поверить?

Матильда посмотрела на нее с насмешливым сочувствием, совершила великолепный прыжок и заняла привычное место в ногах кровати.

2

Темно-зеленая «школа-октавия» стояла точно напротив ярко освещенных окон магазина фирмы «Партия», а высокий мужчина в распахнутой куртке, с непокрытой головой стоял на тротуаре точно напротив машины. Уже стемнело. Легкие снежинки кружились в желтом свете горящих вдоль дороги фонарей. Ксения передвигалась очень осторожно, стараясь держаться поближе к забору. Потихонечку, не спеша. Еще успеешь на него насмотреться... Под ногами, слава богу, не хлопает, однако вчерашняя слякоть успела замерзнуть и превратиться в противный ледок, на котором можно запросто навернуться на высоких каблуках – так что неизвестно, что хуже. Ну что за гадкий климат в этой стране! Если тепло, то непременно грязно. А если не грязно, то холодно и скользко. Если же не холодно и не грязно (так называемое лето), то душно и пыльно, хоть из дома не выходи.

Молча Ник сделал несколько шагов вперед и протянул руку, чтобы уберечь ее от падения. Тяжело дыша, Ксения вцепилась в эту тонкую крепкую руку и подняла голову.

Его глаза были совсем рядом. Серо-голубые, с золотистой короной на радужке – такие, какими она их и запомнила. Взгляд напряженный, без тени улыбки. Нервничает? С чего бы? Как правило, мужчины, однажды допущенные к телу, в дальнейшем держатся достаточно самоуверенно.

Белый снег, оседающий на темных волосах, придавал его облику нечто трагическое. Как будто сказочного принца заколдовали, крикнув ему «замри!», и теперь он, беспомощный, отдан во власть стихиям: снег его заносит, ветер леденит губы... Бессознательным движением – расколдовать! оживить! – Ксения потянулась к его волосам, стряхнула снежные хлопья. Это можно было расценить как ласку, как небольшой аванс. Слегка улыбнувшись – наконец-то! – Ник поцеловал ее и тут же отпрянул, пристально всматриваясь в ее лицо. Боже, ну что за цирк...

– Я замерзла, – сказала Ксения и полезла в сумочку. – Вот твой телефон.

Он шагнул к машине и открыл дверцу.

– Садись.

Ксения внимательно посмотрела на него.

– Садись, – повторил Ник. – Ты можешь, конечно, повернуться и уйти, но позже ты об этом пожалеешь. Так же, как и я.

– Как бы мне не пришлось пожалеть, что я осталась.

Он пожал плечами:

– Решай сама.

Ксения вспомнила сладостные содрогания при свете галогеновых ламп... его руки на своих бедрах... Можешь повернуться и уйти. Разумеется! Именно так и следует поступить. Неужели ты хочешь иметь проблемы из-за какого-то мелко-го авантюриста, который, укрывшись от жизненных бурь под

крылом у богатой женщины, без зазрения совести ищет удовольствий на стороне? Рано или поздно Илона об этом узнает. Наверяд ли она ограничится изгнанием фаворита из королевских покоев. Судя по тому, что болтают о ней сослуживцы, она вполне способна устроить вам обоим Вальпургиеву ночь. А ведь есть еще Игорь. В принципе он никогда не давал повода заподозрить себя в неумеренной агрессивности, но когда волк отстаивает свое право на волчицу или на территорию... Все, вежливо прощайся и уходи.

– Но в десять я должна быть дома, – предупредила Ксения, усаживаясь на пассажирское сиденье.

– Комендантский час?

– Вроде того.

В потоке машин «октавия» медленно двигалась по проспекту Мира. Снегопад не прекращался. Ник молчал, похоже, не испытывая при этом никакой неловкости, а Ксения просто не могла придумать, о чем бы с ним поговорить. О Бетховене?.. Только когда он начал перестраиваться, собираясь поворачивать налево, она вяло поинтересовалась:

– Куда мы едем?

Выяснилось, что они едут в «Итальянскую тратторию» на Садовом кольце. Что ж, не так плохо. Приятный интерьер, европейская кухня. Народу было немало, но свободный столик на двоих нашелся сразу же, причем у окна. Ксения любила сидеть у окна. Можно неторопливо потягивать вино, пребывая в праздности и сытости, и одновременно наблю-

дать за нескончаемой гонкой (гонкой за миражами, зримым воплощением которых являются деньги и общественное положение) по ту сторону оконного стекла. Со спокойной отрешенностью Будды.

– Красное или белое? – спросил Ник, открывая карту вин. И поднял глаза на Ксению, которая изучала меню. – Мясо или рыба?

– Рыба.

– Рыба, – повторил он с укоризной. – Надеюсь, ты не вегетарианка?

– Нет. А что ты имеешь против вегетарианцев?

– Да в сущности ничего. Просто меня удивляют люди, следующие какой-то определенной доктрине. Почему именно этой доктрине? Почему не другой? Только потому, что в какой-то момент на вашем горизонте появился тот или иной фанатик с задатками лидера и мастерски навязал вам свою точку зрения?

– Так бывает не всегда.

– Не всегда. Но в большинстве случаев.

Эти слова заставили Ксению взглянуть на него с новым интересом. Восемь нейрологических контуров. Вот оно что.

– А тебе никогда не приходило в голову стать вегетарианкой? – не отставал Ник. – Или вступить в Общество защиты животных? Или в какой-нибудь тайный герметический орден?

– Нет, – сказала Ксения. – Если кто-то не ест мяса и не но-

сит одежду из натурального меха, так и черт с ними. Мне нет до них никакого дела. Что касается герметического ордена, то это, конечно, интересно, но не до такой степени. Почитать о них я бы, пожалуй, не отказалась, но вступить в их ряды... А что, если через месяц мне это до смерти надоест?

Ник одобрительно усмехнулся:

– Ну что ж... Значит, рыба.

Сегодня на нем ярко-синяя рубашка, придающая серым глазам неправдоподобную синеву. Ворот распахнут, на шею поблескивает золотая цепочка. Интересно, что на ней? Крестик? А как же отрицание доктрин?

– Крест – не только христианский символ, – поясняет он в ответ на ее вопросительный взгляд. – Точнее, христиане были последними, кто приспособил его для своих надобностей.

– Кто же был первым?

– Пятьдесят тысяч лет тому назад созвездие Большой Медведицы имело вид правильного креста, и этот небесный символ был положен в основание всех мировых религий.

Так, значит, это не отрицание доктрин, а, наоборот, признание правомерности любой существующей доктрины. Любой, в том числе самой немыслимой. То, что немыслимо сегодня, завтра может показаться обоснованным и уместным. Ох, парень, только не смотри на меня так, будто ты готов трахнуть меня прямо здесь...

После рыбы, вина и всего остального с легкостью, достойной восхищения, он перешел к главному:

– У меня есть ключ от квартиры, где мне предстоит заниматься перепланировкой кухни и санузла. Хозяин – мой старый знакомый. Сейчас он в командировке. Поедешь?

Ксения аккуратно вытерла губы салфеткой и посмотрела ему в глаза.

– Да.

– Что будет, если ты не вернешься домой к десяти?

– А что будет, если ты не вернешься домой к десяти? – задала она встречный вопрос. – Я живу одна, Ник. В отличие от тебя. Так что если я говорю, что должна быть дома не позже десяти...

Он поднял руку, призывая ее к молчанию.

– Достаточно. – Ровный голос, безжизненный взгляд. – Не будем терять время.

На белом свете не так много мужчин, которые знают, что такое правильный поцелуй – качественный, в меру продолжительный, доставляющий удовольствие обоим. Видимо, поэтому Ксения никогда не любила целоваться. Ну не нравится, и все тут! Кому нужны эти слюни? С детства она была патологически брезглива и в отличие от своих сверстников никогда ничего не тянула в рот. Ни собственный палец, ни пустышку, не говоря уж об игрушках и погремушках. В должное время, открыв для себя приятности секса, она научилась справляться с некоторыми из этих трудностей. Изредка соглашалась даже на поцелуи, правда, с большой

неохотой. Мужчины обижаются: ты неласковая. На что она резонно возражала: при чем тут ласки? Речь идет об элементарной чистоплотности.

Да-да, так оно и было. Все эти годы, вплоть до сегодняшнего дня. Личные качества любовника существа дела не меняли. Но этот парень!.. Ксения представить не могла, что такое возможно, пока не осознала со всей очевидностью, что хочет его поцелуев. Еще и еще. Как можно больше. С замиранием сердца ощущать скольжение языка по краю зубов, впитывать жар его дыхания... Она не только не испытывала отвращения, когда тянулась раскрытым ртом навстречу губам Ника, ей хотелось попробовать на вкус его всего – все, что можно и что нельзя.

Впрочем, он с самого начала дал ей понять, что никакого «нельзя» не существует. Ничто не запрещено. Все дозволено. Какое изысканное наслаждение: кувыркаться на чужих коврах в чужой квартире с чужим мужчиной, которого, быть может, видишь в последний раз. Без мыслей. Без страхов. Без забот.

На ковровое покрытие прямо посреди комнаты брошен шерстяной шотландский плед. Прикосновение к мягкому ворсу доставляет почти такое же удовольствие, как поглаживание кошачьего меха или растрепанных волос лежащего на полу мужчины. Он лежит на спине, чуть запрокинув голову. Глаза закрыты, и тени на щеках – тени от ресниц, дрожащие, как и сами ресницы, – придают его облику нечто inferналь-

ное. Тем более что настенные светильники в виде матовых полусфер заливают комнату кроваво-красным светом. Хозяин квартирки определенно большой оригинал.

Сегодня в порядке исключения Ксения согласилась побыть сверху, хотя эта позиция никогда не казалась ей привлекательной. Конечно, есть несомненные плюсы: можно смотреть на партнера, можно смотреть на себя. Можно следить за процессом, наблюдать его во всех подробностях. Можно наклониться низко-низко, как она сейчас, чтобы отвердевшие соски коснулись груди простертого на ковре мужчины, пощекотать его губы прядью волос, а затем прикусить легонько, как делают кошки или лисицы. Но есть и минусы, основной из которых заключается в том, что всякая доминирующая позиция требует повышенной активности.

– Устала?

Ник открыл глаза. Распластавшись на нем лягушкой, Ксения отозвалась блаженным «mmm...». Будет просто классно, если он догадается подмять ее под себя и отыметь со всей силой неукротимого вожделения, держа за горло. Истощить до предела. Выжать из нее все соки. С другой стороны, лежа вот так, можно до бесконечности наслаждаться мастерством его пальцев, лениво щекочущих ее ягодицы. В этих незатейливых ласках столько похоти, что голова идет кругом. Самые простые вещи он умудряется делать так, как никто другой.

Истолковав ее стон как подтверждение своих предположений, Ник перекатился с ней вместе и вот теперь действитель-

но взялся за дело всерьез. Обнимая его обеими руками, чувствуя, как играют мускулы под повлажневшей кожей, Ксения задыхалась от восторга, спрашивая себя, не снится ли ей эта квартира, этот плед на полу и этот парень, способный превратить банальный половой акт в сеанс черной магии. Он овладевал женщиной с такой же легкостью, с какой делал вдох-выдох, и при этом задавал совершенно изумительный ритм, двигая бедрами точно в танце.

Громадные, в половину человеческого роста, колонки – это было первое, что бросилось Ксении в глаза, едва они вошли в комнату. Ник включил музыку. Даже то, что он выбрал «Dead Can Dance», говорило о многом. Молодой человек, который читает Тимоти Лири, играет на фортепьяно сонаты Бетховена, слушает психоделическую музыку, занимается дизайном интерьеров... и живет на деньги женщины вдвое старше себя, не отмеченной печатью интеллекта. Кто-то дает ей возможность заработать, бывший любовник или добрейший папочка. А может, просто повезло, как это порой случается – повезло оказаться в нужное время, в нужном месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.